

Глава 27. Красноярский педагогический

Красноярск встретил предзакатным солнцем и влажным, пахнущим бензином и гарью воздухом. С юго-востока на город, закрывая почти треть неба, надвигалась тёмная туча. Её лохматая кромка, подсвечиваемая лучами заходящего солнца, мрачно багровела, предвещая непогоду. И хотя не было ещё и пяти часов, аэропорт, расположенный почти в центре города, уже весь светился огнями. Наш АН-24, долго колесивший по дорожкам взлётного поля, остановился, наконец, у самого его края. Рядом, за невысокой оградой, серые пятиэтажные дома, гудящие машины, спешащие куда-то люди. А здесь, всего в нескольких сотнях метров от жилых кварталов города, яростно ревя моторами, взлетали и садились самолёты. Мы, пассажиры, прилетевшие енисейским рейсом, толпились около своего АН-24 в ожидании дежурного автобуса, но, как выяснилось, ждали напрасно. Вместо него пришла дежурная и повела нас к аэровокзалу. Шла быстро, почти бежала. Группа растянулась на добрую сотню метров. Идти было трудно. Тяжёлый, выскальзывающий из рук ковёр, скользкие, припорошенные грязным снегом бетонные плиты. Валерия увидели ещё издали. Он возвышался над толпой встречающих и махал нам рукой. На лётное поле его не пустили. С осени был введён жёсткий контроль над всеми приезжающими с севера. Проверяли, не везут ли шкурки соболя, песца, норки. Рылись в чемоданах, рюкзаках, одежде. Как на лагерной вахте.

К тому времени, когда закончилась эта оскорбительная для пассажиров процедура обыска, и мы наконец-то оказались на привокзальной площади, туча заволокла всё небо и на город обрушилась метель. За несколько минут всё вокруг покрылось слоем первозданно-белого снега: мостовые, тротуары, скамейки, крыши автобусов и машин, голые ветви деревьев, провода, головные уборы и плечи прохожих.

У троллейбусной остановки толпа. Час пик, все спешат домой, а троллейбуса всё нет и нет. Говорят, оборвались провода. Наконец, он появился, но, не остановившись, проехал мимо, высадив пассажиров где-то за поворотом. И опять ожидание. Некоторые пошли на автобусную остановку, хотя там народу ещё больше. Мы остались. Нам удобнее троллейбусом.

Домой приехали только к шести часам, усталые и голодные. Там уже все были в сборе: Нина, бабушка Оля, Наташа, Зина. Вся женская половина нашей семьи. Они тоже заждались и уже нача-

ли беспокоиться, а позвонить и узнать, прилетел ли самолёт, откуда. Встреча произошла в оказавшейся для нас тесной прихожей. Вопросы, восклицания, поцелуи. Одежда мокрая от растаявшего снега, под ногами лужи. Нина ворчит – убирать ей. Распаковываем поклажу. Главное – ковёр, он интригует всех. Откуда взялся? Какой расцветки? А мы и сами не знаем. Пришлось разворачивать. Ковёр действительно хорош. Особенно радовалась Нина. В её жизни это был первый собственный ковёр, и она уже прикидывала, куда его постелить. Потом все переместились в столовую, где нас давно уже ждал праздничный стол. Отметим сразу и мой день рождения, и рождество, и новый год. Не забыт был, естественно, и наш с Ниной главный праздник – старый Новый год. Вспоминали прошлое, обсуждали настоящее, строили планы на будущее.

Нина бала почти счастлива. Ведь мы снова все вместе. Живём в квартире со всеми удобствами, пусть небольшой, малогабаритной, но позволяющей каждому иметь свой угол. У нас с Ниной спальня, у бабушки Оли и Наташи хотя и маленькие, но свои комнатки. Только Ромочке придётся спать в гостиной. Конечно, плохо, что Валера с Зиной живут на противоположном конце города, но с этим ничего не поделаешь. Со временем и они переберутся поближе, надеялась Нина. А в целом всё прекрасно. И главное, есть вода! Много воды! И днём и ночью, холодная и горячая. Всю жизнь она мыла посуду в тазике, со страхом думая, хватит ли воды до следующего привоза. Теперь её можно было расходовать, не экономя и, главное, не грея.

Меня же грызли сомнения. С переездом в Красноярск я потерял почти половину зарплаты. Нина не работала, оформляла инвалидность. Наташина стипендия – 36 рублей. В среднем это по 80 на каждого члена семьи. И почти никаких сбережений. Обычно все приезжающие с Севера привозили большие деньги, у меня же на сберкнижке меньше тысячи. А расходы предстояли большие. Прежде всего, надо было произвести ремонт квартиры: как в любой тогдашней новостройке мрачные, плохо приклеенные обои, стены неровные, полы не пригнанные. Кроме того, старая, разваливающаяся мебель, которую следовало обновить. Много проблем и у Валерия. Жили они с Зиной на правом берегу, примерно в тех местах, где когда-то, впервые приехав в Красноярск, искал я Петинского знакомого. Снимали небольшую комнатку у "тёти Дуси". Зина работала лаборантом в лаборатории профессора Кедринского, получала совсем немного. Валера заканчивал аспирантуру,

и ему было не до дополнительных заработков, которые к тому же в те годы не поощрялись.

Беспокоила и предстоящая работа в деканате. Смутно ощущал, что вхождение в коллектив будет для меня трудным. Ведь для большинства преподавателей факультета был я чужим человеком, «тёмной лошадкой». У них же свои устоявшиеся взгляды, привычки, традиции, свои авторитетные лидеры. Мне оставалось только приспособливаться. И это было самым трудным. Меня всегда обуревали идеи и желание воплотить их в жизнь. Смогу ли я обуздать себя, подчиниться чужой воле. Даже дружба с Юрой не могла решить эту проблему, ибо была она во мне самом, и решать её должен был я сам.

Заснул в тот вечер с большим трудом и утром проснулся с головной болью. Нина, откровенно радовавшаяся тому, что наконец-то вся семья в сборе, то ли не могла, то ли не хотела понять моих проблем. Она, как всегда, была уверена, что меня поймут и оценят, не могут не оценить.

Выборы проходили в середине марта на заседании Совета факультета. Присутствовала ректор, Ольга Гавриловна Пелымская. Сначала декан факультета, Черкашин Владимир Сергеевич, сделал доклад об итогах зимней сессии, потом долгое и эмоциональное обсуждение причин низкой успеваемости и большого отсева. И, наконец, выборы. Представляла меня Пелымская. Поддержал Черкашин. Юра промолчал, и это показалось странным, ведь он так меня уговаривал согласиться с предложением Пелымской. Потом моё выступление. Говорил о своём видении проблем и планах на ближайшее будущее. Конечно, некоторые из моих идей не всем пришлись по душе, но проголосовали, насколько мне помнится единогласно или почти единогласно.

Двадцатого марта 1974 года вступил в должность. Сколько раз потом, вспоминая прошлое, ругал себя за этот шаг, за согласие возглавить факультет. Сколько потерял времени, физических и духовных сил. Принятый мною факультет – был самым большим учебным подразделением института. Два отделения (математики и физики), пять специальных кафедр, более шестидесяти преподавателей, не считая преподавателей общественных кафедр и, наконец, около тысячи студентов дневного отделения и более трёхсот заочников. Помощников же всего двое: Валерий Петрович Иванов, общительный, инициативный и изобретательный, великолепно знающий и преподавателей и студентов, и к тому же наделённый хорошим художественным вкусом и Вален-

тин Васильевич Рогов, математик, стоявший у истоков информатизации факультета, интеллигентный и ответственный, руководивший работой заочного отделения.

С первых дней работы пришлось столкнуться с массой новых для меня проблем: более двухсот задолжников за зимнюю сессию, плохая посещаемость занятий, обилие опаздывающих, холод в аудиториях, классные доски, обтянутые пузырящимся обшарпанным линолеумом, переполненное общежитие, отсутствие условий для самостоятельной работы студентов. Однако заниматься этими проблемами некогда. Уже в апреле началась подготовка к распределению студентов на работу в школы края, в основном сельские. Просьбы, слёзы, звонки, справки, уйма справок. Справки о беременности, болезнях, престарелых родителях. Все хотят остаться в городе, работать в городских школах. Потом «Ленинские дни», митинги, научная студенческая конференция. Потом сами майские праздники. Кому-то они были в радость, но не нам с Валерием Петровичем. Портреты вождей, флаги, знамёна, лозунги, плакаты, стремящиеся домой студенты. Их жаль, они хотят в деревню, к родителям, но мы должны обеспечить явку. Вечером дежурство в общежитии. А там большинство девушек, к которым в эти праздничные дни рвётся молодёжь, часто нетрезвая.

Не успел опомниться от майских праздников, как надвинулись государственные и следом за ними курсовые экзамены. Обилие не допущенных до сессии, множество двоек. После каждой сводки о ходе экзаменов вызов в ректорат. Долгие и мучительные объяснения с начальством.

В суматохе будней не заметил, как растаяли и были смыты весенними дождями снежные сугробы, отцвела черёмуха, облетел тополиный пух. Наступило короткое сибирское лето. Душа рвалась на юг, к морю, но в том году в связи с переездом отпуск мне не был положен. Мы изнывали от духоты, пыли, палящего солнца. Весь июнь Наташа и Рома сдавали экзамены. Для меня это был тяжёлый период. Измотанный приходил с работы, а дома на меня обрушивался шквал вопросов и не только по математике. История КПСС, философия, педагогика, психология и, конечно же, физика. По каждому из этих предметов мои дети, а иногда и их сокурсники, хотели получить от меня полные и исчерпывающие разъяснения. Я сам приучил их к этому. Понимал, что порчу, что должен отсылать к книгам, приучать к самостоятельной рабо-

те, но совладать с собой не мог. А вдруг подумают, что чего-то не знаю, что-то не могу.

В июле, сдав сессию, Рома вышел на пионерскую практику. Проходил он её в пионерском лагере «Солнышко». Досталась ему младшая группа. Ребятишки слушались плохо, по вечерам долго не засыпали, требуя сказок. Старшая пионервожатая ругала за несоблюдение режима, требовала быть более строгим с детьми. У него это плохо получалось, и мы с Ниной ездили к нему, стараясь поддержать морально. Встречались тайно, прячась в кустах, что бы нас ни кто не заметил.

Напряжённым это лето было и у Валерика. Кончался срок его пребывания в аспирантуре. Нужно было заканчивать несколько статей и диссертацию. В субботу и воскресенье он с друзьями ходил на «Столбы». Иногда брал с собой Наташу. Я, как обычно, сильно волновался, рисуя себе одну картину страшнее другой. Несколько раз с ними ходил и я. У нас сохранилась фотография, на которой запечатлено моё карабканье толи на «Деда», толи с «Деда». На собственном опыте познал, насколько труднее спускаться со скалы, чем подниматься на неё.

По воскресеньям, взяв с собой одеяло, мы с Ниной, у которой участились приступы головной боли, уходили в лес в район «Сопки», благо идти туда от нас было не очень далеко. Выбирали укромную полянку, стелили одеяло и Нина, вдыхая свежий лесной воздух, быстро засыпала под щебет птиц. Она была уверена в целебности таких прогулок и сна на открытом воздухе.

В августе начались приёмные экзамены и сразу после их окончания розыск выпускников, не явившихся на работу по распределению. Письма, телеграммы, звонки, посещение родителей. Хорошо, если принимали. А однажды спустили собаку.

В самый разгар розыскных работ началась сельскохозяйственная кампания. Все первокурсники факультета на месяц-полтора направлялись на уборочные работы в Назаровский район. С каждой учебной группой должен был ехать преподаватель, желательно мужчина. Но мужчин не хватало. Приходилось посылать женщин, многие из которых были больны, имели детей. А в деревнях постоянные ЧП. То плохо кормят, то не предоставляют нужного жилья, то травмы, то забастовки. Весь сентябрь и часть октября проходили в поездках по деревням и сёлам, в разборе жалоб руководителей и студентов. В конце сентября – копка картофеля и турнепса, в которой принимали участие все оставшиеся

в городе студенты и преподаватели. Как правило, сельскохозяйственная эпопея продолжалась до снега.

В конце октября вновь подготовка к праздникам. Оформление праздничной колонны. Знамёна, флаги, транспаранты, и извечная проблема с явкой студентов на демонстрацию. Руководил этой работой Валерий Петрович. Мне этого делать раньше в Енисейске не приходилось, и я у него учился.

Утомляли и бесконечные совещания, некоторые из которых затягивались до позднего вечера. Советы института, факультета, партийные собрания института, которые обычно продолжались около четырёх часов, партийные собрания факультета, общеинститутские, факультетские и курсовые комсомольские собрания, заседания партийных и комсомольских бюро всех уровней, на многих из которых приходилось не только присутствовать, но и выступать. А заседания всевозможных комиссий: юбилейных, предвыборных, учебных, воспитательных. Наконец, старостаты, студсоветы. Времени катастрофически не хватало. На факультет приходил к половине восьмого. Домой возвращался не раньше восьми вечера.

Это было трудно, это выматывало, но не в этом была главная трудность. Как и предчувствовал, наиболее болезненным для меня оказался процесс вхождения в новый коллектив, коллектив спаянный давними традициями, личной дружбой, авторитетными и уважаемыми лидерами.

Когда институт был небольшим, располагался в одном корпусе, и все его подразделения легко управлялись непосредственно ректоратом, сложилась традиция, в соответствии с которой, деятельность декана ограничивалась работой со студентами. Ему полагалось составлять расписание, распределять аудитории, контролировать посещаемость, чистоту и порядок в учебном корпусе и в общежитии, добиваться отчисления неуспевающих студентов, организовывать и проводить общественные мероприятия. Вопросы же, связанные с комплектованием кадров, качеством преподавания, научно-исследовательской работой, предоставлением творческих отпусков и командировок – решались кафедрами непосредственно в ректорате. Деканам вмешиваться в эти вопросы, было не принято. Аналогичная практика существовала и в Енисейском педагогическом институте.

Однако Пелымская с таким положением не хотела больше мириться. На одной из предварительных встреч, инструктируя меня, объясняла, что теперь, когда численность студентов и пре-

подавателей факультета существенно возросла, и он оказался территориально отделённым от главного корпуса, роль декана в управлении факультетом должна была существенно возрасти. По ее мнению я должен был посещать заседания кафедр, участвовать в подборе кадров и обеспечивать трудовую дисциплину не только студентов, но и сотрудников факультета. На заседаниях ректората и в частных беседах требовала прекратить коллективные «пьянки», которые, как она считала, давно уже процветают на факультете.

Однако, сотрудники факультета и, прежде всего, заведующие кафедрами не хотели мириться с такой новой и необычной для них, ролью декана. Первая буря возникла, когда Пелымская потребовала, что бы направляемые кафедрами документы были завизированы мною. Возмутила заведующих и моя попытка посетить заседания кафедр. После тяжелого разговора с Горстом и Лойко я эти попытки прекратил, хотя ничего плохого эти посещения не предполагали. Я просто хотел ближе познакомиться с коллективом, ответить на вопросы преподавателей. С подозрением отнеслись они и к моему намерению вести расчет штатов централизованно, по факультету в целом. Глухое сопротивление вызывали все попытки привлечь преподавателей к более активной воспитательной работе через посещение общежитий, комсомольских и партийных собраний, через участие в воскресниках, дежурствах добровольной народной дружины, и главное, через систему кураторства, на которую я по опыту, приобретённому в Енисейском пединституте, возлагал большие надежды. Именно это начинание встретило особенно жесткое сопротивление. По мнению большинства преподавателей кураторство подрывало самостоятельность студенческого коллектива. Я горячился, доказывая, что всё зависит от содержания и стиля работы куратора, который должен не подменять актив, а только содействовать его формированию и помогать ему в работе. Но мои слова мало кого убеждали. Большинство продолжало считать, что вся эта, по мнению преподавателей, показная общественная активность, приносит больше вреда, чем пользы.

Много споров и взаимного непонимания возникало из-за неуспевающих студентов. Преподавательский коллектив требовал немедленного отчисления нерадивых студентов. Мой призыв к более внимательному к ним отношению, воспринимался как нажим на преподавателей, как желание таким способом снизить отсев студентов. Много нареканий вызвало и моё стремление со-

ставлять расписание по правилам, а не под отдельных, как мне казалось чрезмерно напористых преподавателей.

Неожиданной оказалась реакция некоторых членов коллектива на заведённый мною журнал, в который, боясь забыть о данном кому-либо обещании или поручении, записывал вопросы, требующие решения. Почему-то некоторые из противостоящих мне преподавателей решили, что я завёл на них "чёрную книгу", и даже ходили жаловаться к первому секретарю горкома КПСС,

Были и более частные проблемы, осложнявшие на первых порах моё взаимоотношение с коллективом. Самая тяжелая из них была вызвана перемещением деканата. То, что согласие на такое перемещение я дал вопреки своим убеждениям, только усиливало мои переживания.

Конечно, каждое из предпринимаемых мною действий ущемляло интересы то одной, то другой части педагогического коллектива, но в целом, как мне тогда казалось, было направлено на повышение качества подготовки молодых специалистов. Они эти действия касались не только преподавателей, но и студентов. Жестко контролировалась посещаемость. Не реже двух раз в неделю на второй ленте лично обходил все аудитории, записывая отсутствующих. Потом, по мере их появления в институте, требовал отчета. По инициативе Валерия Петровича мы писали письма родителям. Но это обстоятельство коллективом не учитывалось. Не принималось во внимание и то, что за время работы деканом я не позволил себе ни одного резкого, а тем более грубого слова, ни разу для разрешения конфликта не обращался в ректорат.

Особенно огорчало то, что постоянным оппонентом и выразителем мнения противостоящих мне преподавателей был Юра Горст. До сих пор помню, сколько незаслуженных и обидных слов высказал он мне, когда Валеру после окончания аспирантуры зачислили в штат факультета. А ведь я никакого отношения к этому решению не имел, более того, уговаривал Валеру устроиться в университете. Но он, окончивший целевую аспирантуру при нашем институте, посчитал такой поступок для себя неудобным.

По вечерам, уже лёжа в постели, обдумывал я свои действия, пытаюсь разобраться в допущенных ошибках. Ничего подобного за десять лет работы в должности проректора со мной не случилось, возможно, потому, что там, в Енисейске, между мной и коллективом стояли деканы, а за спиной – ректор. Выходило, что сам я работать с людьми не научился. Это огорчало. Ведь в принципе я уважал людей, и не было у меня особых амбиций: без особого

сожаления расстался с должностью проректора, а позже и с должностью декана, отказался от предложения возглавить заочное отделение. После тщательного анализа причин решил, что всё дело в моём немецком характере, привычке добросовестно и без дополнительных напоминаний выполнять каждую инструкцию, каждое распоряжение начальства. И это не из-за желания выслужиться, продвинуться по служебной лестнице. Просто сам процесс исполнения доставлял мне не меньше удовлетворения, чем решение математической задачи.

Возможно это и не так, и я просто пытаюсь оправдаться. Похоже, что в природе человека заложен некий принцип *ненаблюдаемости*, не позволяющий объективно разобраться в самом себе.

Основной отрадой в работе были студенты, с которыми уже в первые месяцы у меня сложились хорошие отношения. И это несмотря на войну с нерадивыми студентами, главным образом первокурсниками, которых мы с Валерием Петровичем держали под постоянным контролем, заставляя отчитываться за каждое пропущенное занятие, навещали их в общежитии, на квартире. Никогда за все восемь лет работы в деканате я не оборвал ни одного студента, не сказал ни одного грубого слова. Двери деканата всегда были открыты для них, как, впрочем, и для преподавателей. В этом отношении я находил в лице своих помощников надёжных единомышленников. Мы всегда серьёзно относились к мнению студентов, никогда, даже ругая, не позволяли себе фамильярного обращения с ними.

Вспоминая те, давно ушедшие в прошлое годы, тешу себя надеждой, что не все преподаватели факультета так уж негативно относились к моей деятельности. Моя ошибка и моя беда заключалась в том, что я замкнулся на возникшем противостоянии и лицах противостоящих мне, пытаюсь, во что бы то ни стало оправдать свои действия, доказать, что поступаю так в интересах дела.

Не лучшим образом складывались дела и дома. Приходил я поздно, особенно в дни посещений общежития, а было это довольно часто, приходил вымотанный и физически, и духовно. А дома свои проблемы и заботы. Надо было помогать Роме и Наташе в занятиях, успокаивать Нину, обеспокоенную частыми головными болями. Наконец, надо было готовиться и к собственным занятиям. Много проблем было и с транспортом. Рейсовых автобусов мало. В часы пик толпа на остановке мечется, тщетно

пытаясь угадать, где шофёр остановит автобус: до остановки или после. Если угадаешь, то главное – засунуть внутрь автобуса голову, всё остальное затянет штурмующая дверь толпа. В автобусе опять проблема, стоишь на одной ноге, пытаешься нащупать место для другой. С сожалением вспоминал Енисейск, где до работы, было, пять минут хода.

Не меньше проблем вызывал поиск продуктов. В те первые годы нашего пребывания в Красноярске экономику страны сотрясали сильнейшие неурожаи. Появились очереди за хлебом, исчезло сливочное масло, даже бутербродное. Молоко можно было достать только в детских кухнях. За яйцами огромные очереди. Говорили, что в магазинах бывает мясо, колбаса, сливочное масло, сахар, но достать эти продукты можно только по блату «из под прилавка» или «с черного хода». Искать такие магазины было бесполезно, надо было заводить блат. У тех, у кого он был, холодильники были забиты продуктами. Наш холодильник был пуст. Продукты легче было найти в центре города, особенно на центральном рынке, и поэтому их доставка стала, в конце концов, моей обязанностью.

Хорошо помню одну из таких поездок. Автобус набит битком. Стою на одной ноге, тщетно пытаюсь нащупать опору для другой. Жара, пот ручьём. Очки медленно сползают по потному носу, вот-вот упадут. Поправить их не могу, руки заняты портфелем и сумками с провизией. Запрокидываю голову, трясу ею в надежде вернуть очки на положенное им место, но всё напрасно. Наконец, догадываюсь: портфель можно отпустить, зажатый со всех сторон ногами и чужими сумками, он всё равно не упадёт. Наконец, моя остановка. Толпа выносит меня из автобуса, и теперь главное – не потерять равновесие. На остановке несколько секунд прихожу в себя, ощущение как у космонавта, попавшего из перегрузки в невесомость.

По вечерам, перед сном смотрю по телевизору последние известия, читаю газеты и слушаю радио. Иногда удается добраться до «вражеских голосов». В последних известиях сообщения о трудовых подвигах рабочих, колхозников и трудовой интеллигенции, о проблемах в сельском хозяйстве, необходимости без потерь сдать зерно в закрома родины, о строительстве БАМа, И никаких обычных теперь сообщений о наводнениях, обвалах, взрывах, разбившихся самолетах. Берегли наши нервы. Зато много говорили о руководящей роли партии и её генерального секретаря.

На экране телевизора комбайнёры, убирающие урожай, шоферы, заделывающие в кузовах своих машин все щели, улыбающиеся лица молодых строителей, сталеваров, доярок, спортсменов и артистов. Неизменные эпизоды с начавшегося в этом году строительства БАМа. И никаких объяснений причин быстро растущего дефицита товаров, кроме, разве что ссылки на плохие урожаи.

Хотя страна в тот год жила в атмосфере начавшейся в 1972 году «разрядки» напряженности между Советским Союзом и Соединенными Штатами, это перемирие казалось мне странным и ненадёжным. Был уверен, что ничего хорошего деятельность Брежнева, как в политическом, так и в экономическом отношении нам не предвещает. Было обидно за Хрущева, многие начинания которого представлялись мне вполне разумными, хотя и плохо реализованными. И вообще Брежнев мне не нравился в принципе. Он явно поддерживал сталинистов, коварно устранил Хрущева, а теперь мало-помалу вытеснял Косыгина, некоторые реформаторские преобразования которого, как мне казалось, шли в русле идей Хрущева.

Последнее время в газетах и журналах статьи технократов и реформаторов, еще недавно выступавших под знаменами «научно-технической революции» стали постепенно сменяться статьями, пропитанными «партийностью» и военно-патриотическим духом, требованием мобилизовать все силы, повысить активность, усилить контроль, укреплять трудовую дисциплину и патриотизм. Всё чаще стали раздаваться почти неприкрытые угрозы в адрес «виновных в расхлябанности». Эти выступления напоминали мне не такое уж давнее прошлое.

Возмутила высылка из страны Солженицына. Его повесть «Один день из жизни Ивана Денисовича», которую я не отрываясь читал всю ночь, не вскрывала, как мне показалось, в полной мере ужасы лагерной жизни. Очень хотелось прочесть «Архипелаг ГУЛАГ», но он был совершенно недоступен не только мне, но, я уверен, и большинству из тех, кто, брызгая слюной, яростно ругал это произведение и его автора.

Ниночка предпочитала художественные фильмы и особенно фигурное катание. Когда на экране телевизора показывали ледовую арену и на ней катающиеся пары наших фигуристов, к ней нельзя было подойти. На все обращенные к ней вопросы или просьбы Нина только махала руками, умоляя нас не мешать ей

смотреть любимую передачу, и громко вскрикивала при каждом падении спортсменов.

В октябре из Кемерово, где она гостила у Алика, приехала Ляля. Было ещё сравнительно тепло, но листва на деревьях уже пожелтела и, опав, шуршала под ногами. Учебный год набирал темпы, и я с трудом выкраивал время, чтобы пообщаться с сестрёнкой. Только в выходной день мы смогли, наконец, побыть вместе. Ушли на Енисей. Как мне тогда показалось, его величие, и суровость не произвели на Лялю ожидаемого впечатления. Ей, выросшей на берегу мягкой и ласковой Волги, больше по душе был Дон, с его песчаными, залитыми солнечным светом, пляжами. Поёживаясь на осеннем ветру, стояли мы на берегу великой реки и молчали. В минуты таких вот редких встреч отчётливо чувствуешь неумолимый бег времени. Подумать только, Лялюське уже пятьдесят восемь. Давно ли она, шестилетняя девчушка, пытаясь усыпить, прижимала пальцами мои веки, а я кричал и дрыгал ногами. Потом, по прошествию немногих лет, уже я дёргал её за косы. Потом был Володя Плотников и его солдатский ремень. Был Тамбов, и на всю жизнь запомнившаяся мне деревенская свадьба. И, наконец, война и разделивший нас лагерь. Но мы выросли в одном доме, в одной детской, молились одному Богу. Нас любили родители, и мы любили их. И ещё мы любили друг друга, и любовь эту пронесли через всю нашу нелёгкую жизнь. И теперь, на склоне лет, разделённые от рождения годами и всей огромностью прожитой жизни, пытались восстановить разрушенную гармонию. Она рассказывала о неудачно сложившейся у Алика жизни, о Танюшиных проблемах. Моя семья, мои отношения с Ниной казались ей идеальными. Я слушал её, наслаждаясь таким родным для меня голосом, но мысли мои были далеко. Я стар, мне уже пятьдесят четыре. Оставалось, в лучшем случае, всего два лагерных срока. Чего же я суечусь, создаю проблемы и с таким трудом, ценою нервных стрессов, разрешаю их. И так ли идеальны мои отношения с Ниной. Я по-прежнему любил её, но чувство это теперь всё больше напоминало любовь, которую родители испытывают к своим детям. В ней была и нежность, и преданность, и сострадание, готовность пожертвовать всем ради её благополучия. И всё же это было совсем не то, что чувствовал я в первые годы нашей близости. Время, болезни, повседневность выветрили из него загадочность чужой души, противостояние взглядов, привычек, терпкий привкус ревности, сладость преодоления. Но ничего этого моя сестрёнка не заметила. Её проблемы

были более зрими и осязаемы, и было ей совсем не до романтики. Расставались с грустью, понимая, что всё лучшее в жизни ушло в прошлое.

Семьдесят пятый был для нашей семьи полон событий. В марте Валера ездил с докладом в Свердловск и брал с собой Наташу. На обратном пути они заезжали в Первоуральск к Адюше. Пробыли у него почти три дня. У нас есть несколько фотографий, отразивших этот эпизод их жизни. На одной из них Наташа имитирует игру на фортепьяно. Ей уже 19 лет. На обороте Ниной рукой написано "...она вся в учёбе, домоседка".

В июне приезжала Эрnochка с Петей. Привезли внука Володю, гольдиного сына. Он окончил школу, и теперь им хотелось определить его в политехнический институт. Меня Эрnochка просила позаниматься с ним, подготовить к вступительным экзаменам. Вчетвером, я, Нина, Эрnochка и Петя ездили в Дивногорск. Эрnochка была в восторге от открывшейся ей красоты. Петя, как всегда, выражал свои эмоции более сдержанно.

В отличие от Ляли, Эрnochка сразу почувствовала изменения, происшедшие в нашей семье. Она подолгу уединялась с Ниной,

*Первоуральск. 1975 год.
Наташа за фортепьяно*

давая ей свои женские советы. Убеждала не раскрываться передо мною полностью, сохранить свою индивидуальность, иметь свои личные интересы и цели в жизни. Меня она по-отечески журила, обвиняя в том, что я полностью подавил в Нине личность, лишил её самобытности, а наши отношения – романтики.

Советовала ходить с Ниной в театр, на концерты, отвлекать от мыслей о своём здоровье, ну и, конечно, положить её на полное обследование в больницу.

– Нельзя же её здоровье и ваши отношения держать в состоянии медленного угасания, – убеждала она меня.

В июле снова поездка на юг. Поехали втроем: Я, Рома и Наташа. Зина была на седьмом месяце беременности, и Нина с Ва-

лериком остались в Красноярске. Маршрут новый: сначала Ростов, где мы прожили не больше недели, потом три дня в Горячем Ключе, неделя в Лермонтово, откуда автобусом по побережью в Туапсе и дальше в Сочи. Там мы обосновались на целый месяц. Жили в хорошо обставленной комнате благоустроенной квартиры, почти в центре города. Купаться ходили на один из близлежащих санаторных пляжей, допуск, на который, за дополнительную плату устроила нам хозяйка. По вечерам бродили по городским паркам, хотя лично я с большим удовольствием посидел бы у моря. Несколько раз днём, когда было особенно жарко, ходили в сочинский дендрарий. Там всегда можно было найти прохладное место.

В ту поездку, ещё в Ростове, Ольга подарила Наташе красивое платье с глубоким вырезом на спине, необычайно яркой расцветки, отделанное кружевами и рюшем, которое Ольге из Америки прислала приятельница. В этой, необычной для того времени одежде, Наташа смотрелась этакой немецкой фрейлиной. Когда в Ростове после длительных и тяжёлых уговоров, она, уступив просьбам Ольги Павловны, вышла на улицу, все прохожие с любопытством разглядывали девушку в длинном до пят, ярком и красивом платье. От охватившего её смущения Наташа не знала куда деться. Щеки её пылали, и это подчёркивало её юность и непосредственность.

Второй раз уговорить её надеть это платье мне удалось только в Сочи, при посещении дендрария. Помню, мы спускались по одной из центральных лестниц. Навстречу поднималась группа иностранных туристов. Неожиданно один из них, по-видимому, приняв Наташу за свою соотечественницу, обратился к ней на немецком языке с каким-то вопросом. Ни жива, ни мертва, пролепетав извинения, она убежала, потребовав от меня немедленно ехать, домой, на нашу сочинскую квартиру. Но этому воспротивился Рома, которому хотелось посмотреть нижнюю часть дендрария. Мы остались, только теперь тщательно обходили все людные места. Ещё один и последний раз Наташа надела платье при посещении сочинского розария. Там я сделал серию неплохих снимков. На фоне пышно расцветших роз Наташа смотрелась очень симпатично. Это был самый расцвет её юной красоты и свежести. Из Сочи в составе экскурсионной группы мы ездили в

Абхазию. Побывали в Гаграх, Новом Афоне, Сухуми. Поднимались к озеру Рица.

А в это время Валера с Зиной, жившие теперь в общежитии физмата около автовокзала, с помощью Нины и Ольги Федотовны ремонтировали нашу квартиру: обдирали обои, ровняли стены, белили, покрывали полы деревоплитой.

Днём, двадцать восьмого Зина родила дочку, черноглазую и черноволосую, которую назвали Олей, и вокруг которой вскоре сконцентрировались все интересы нашей семьи. Я, Рома и Наташа вернулись в Красноярск как раз ко дню рождения Валерика. Вскоре из роддома выписали Зину с Олечкой. Нина, хорошо помнившая все трудности ухода за грудным ребенком, уговорила Зину хотя бы несколько первых месяцев пожить у нас. В срочном порядке освободили нашу с Ниной спальню, которая была больше и светлее других комнат. С тех пор в доме воцарился культ младенца. Ходили на цыпочках, говорили шёпотом. Комнаты были завешаны сохнувшими пелёнками. Купание нашей маленькой принцессы надо было видеть: белые халаты, марлевые повязки, градусники, пелёнки, сосредоточенные и озабоченные лица.

Помню, как однажды при кормлении грудью Олечка, захлебнувшись материнским молоком и, потеряв дыхание, стала судорожно махать ручонками. Её губки, а затем и личико стали быстро белеть. На Зинин крик сбежалась вся семья. Как вспоминала Наташа, она, очень любившая Олечку и много нянчившаяся с ней, в ужасе, заткнув уши, убежала на кухню. Как всегда в трудную минуту твёрдость и решительность проявила Нина. Вскоре Олечка сосала грудь, и все успокоились. А Наташа, сжавшись в комок и зажимая уши, всё ещё сидела на кухне.

С рождением Олечки я сразу перешёл в другую возрастную категорию, стал дедом. И сразу почувствовал груз прожитых лет. Теперь, идя по улице, я всматривался в лица встречных мужчин, пытаюсь определить тех, кто был старше меня, оказалось, что таких совсем немного.

А я, невзирая на степенный возраст, продолжаю суетиться. Начало учебного года. Совместно с партийной, комсомольской и профсоюзной организациями нужно срочно верстать план работы факультета, план заседаний Совета факультета, а также планы партийных и комсомольских собраний и заседаний бюро. При этом должны быть учтены все постановления вышестоящих ин-

станций, особенно партийных, выполнение которых было строго обязательным для всех членов коллектива от ректора до уборщицы. Судя по обилию постановлений, активность нашей партийной организации в прошедшем учебном году была очень высокой.

И вот, сдвинув деканатские столы, и расстелив на них большой лист ватмана, черчу на нем столбцы и строки. Столбцы соответствуют месяцам учебного года, строки – подразделениям факультета и службам. В образовавшиеся клетки записываем мероприятия, соответствующие требованиям постановлений, определяя, кто и в какие месяцы должен будет их выполнять. Потом в соответствии с этой таблицей будут составляться планы заседаний Совета факультета, партийных и комсомольских собраний и заседаний бюро.

Во всем этом был страшный формализм. С уровня на уровень транслировались проблемы. Их обсуждение порождало новые постановления и новый цикл обсуждений. Многие важные вопросы забалтывались на уровне многочисленных заседаний. Остановить этот поток было практически невозможно, так как о работе подразделений судили, прежде всего, по количеству и качеству принятых ими постановлений и решений.

Некоторые из рассматриваемых вопросов, естественно, касались деятельности кафедр, что и находило отражение в нашей таблице. И здесь система испытывала самое активное сопротивление. Помню как на одном из заседаний кафедры алгебры, которое вел Лойко, по поводу каждого из таких пунктов члены кафедры требовали:

- Вычеркните этот пункт, все равно никто его выполнять не станет.

- Хорошо, хорошо, вычеркну, спешил заверить их Лойко.

И все же больше всего проблем в начале этого учебного года доставляла работа первокурсников в колхозах. Центральный комитет партии, партийная пресса в этом году уделяли уборочной кампании особое внимание. Неурожаи последних лет завершили падение сельскохозяйственного производства, доведя его до критического состояния. Для его поддержки несколько раз увеличивали закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, а в 1975 году оплату по трудодням заменили помесечной зарплатой. Однако эти меры не помогли, так как параллельно с повышением закупочных цен, более быстрыми темпами росли цены на сель-

скохозяйственные машины и инвентарь, на горючее и удобрения, в результате чего у колхозов не оставалось средств на выплату обещанной колхозникам зарплаты.

Предоставленное же колхозникам право на получение гражданских паспортов, положившее конец их рабскому положению, только усилило их бегство в города. Не помогло и введение пенсий колхозникам. Да и как эта мера могла остановить их бегство из села, если, например, Ольге Федотовне, всю жизнь проработавшей на колхозных полях начислили пенсию в размере 12 рублей в месяц. В результате страна вынуждена была еще долго, вплоть до девяностых годов, делать крупномасштабные закупки зерна в Канаде и Соединенных Штатах Америки.

Естественно, что в этих условиях краевой и районные комитеты партии особое внимание уделяли студенческим отрядам, тем более что в их работе в последние годы возникало, как никогда раньше, много проблем.

Не помню, в каком районе произошла та трагедия, но сам факт помню хорошо. В обеденный перерыв несколько студентов, работавших на уборке зерновых, решив вздремнуть, уснули, пристроившись в тени большого стога. Спать легли не все. Один из бодрствовавших студентов, решив самостоятельно овладеть техникой вождения трактора, сел за рычаги, запустил мотор и двинулся вперед. Свернуть с губельного для спящих студентов направления он не смог. Лишенный управления трактор, разметав оказавшийся на его пути стог, раздавил своими гусеницами спящих ребят.

Нам об этой жуткой истории неоднократно рассказывали на совещаниях различного уровня, предупреждая об уголовной ответственности всех, кто так или иначе, связан с руководством студенческими коллективами.

В этих условиях сообщение о чрезвычайном происшествии в Краснополянском совхозе, где работали студенты нашего факультета, прозвучало для меня как приговор. Срочно вместе с секретарем партийного бюро института Иваном Яковлевичем Ганжой и каким-то представителем райкома на институтской машине выехали в Назарово.

Как сейчас помню: совхоз Краснополянский Назаровского района. Зерносушилка. Машины грузятся зерном для отправки на элеватор. Именно здесь произошло событие, послужившее при-

чиной нашего приезда. Как нам рассказали, утром группа наших первокурсниц, сделав перерыв, крутилась около машин, перешучиваясь с шоферами. В это время одна из девушек, толкнув ногой заднее колесо сдающей назад машины, поскользнулась и упав, попала под машину, которая, переехав ей ногу, раздавила кости таза. Девушку немедленно увезли в Назаровскую больницу, где ей к нашему приезду уже сделали операцию.

Вызываем родителей, едем в больницу, пострадавшая в реанимации. К ней не пускают, но хирург успокаивает, говорит, что операция прошла успешно, возможно, что ей еще удастся в будущем рожать детей.

- Счастье, что машина была не груженой, – заключает он беседу.

В Назарове я жил целую неделю. Неоднократные беседы с пострадавшей, её родителями, врачами и представителями райкома и прокуратуры. Благодаря умелым действиям Ивана Яковлевича удалось уладить все вопросы и избежать опасного судебного разбирательства. Девушка, выписавшись из больницы, продолжила учебу и довольно успешно окончила наш факультет и даже, как мне потом стало известно, родила дочку.

Много тревог было связано с работой добровольной народной дружины. Дежурили в ней в основном студентки старших курсов и преподаватели. Пять дней в месяц по двадцать человек. Начиналось дежурство в шесть часов вечера с разнарядки в районном штабе при отделении милиции и заканчивалось около двенадцати ночи. На инструктаже дружинников знакомили с оперативными сводками о совершённых преступлениях, преступниках и их приметах. Распределяли дружинников по три человека, часто в глухие, тёмные места района. Требовали проверять подвалы и особенно чердаки, где по их словам, часто прятались преступники. Для меня это были очень тревожные дни. Ведь всё могло случиться и как тогда смотреть в глаза родителям? Как правило, выйдя после инструктажа на улицу, предупреждал, что бы ни в коем случае не опускались в подвалы и не лазали на чердаки, часто сам участвовал в таких дежурствах, что очень не нравилось Нине.